

СВЯЩЕННИК
ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

В
ПОИСКАХ
ВЕЧНОГО
ГРАДА

О ВСТРЕЧЕ
С ХРИСТОМ

МОСКВА
«НИКЕЯ»
2019

УДК 24.242
ББК 86.372-4
Ч 68

*Рекомендовано к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-904-0134*

Чистяков Георгий, священник

Ч 68 В поисках Вечного Града. О встрече с Христом. —
М.: Никея, 2019. — 320 с.
ISBN 978-5-91761-992-7

Центром и стержнем книги священника Георгия Чистякова стала встреча с Христом, Который открылся ему в юности через Евангелие. Веру в Него и живую связь с Ним отец Георгий прослеживал в жизни и служении самых разных людей, мучеников и подвижников, христиан всех конфессий: Владимира Соловьева, Анны Франк, Мартина Лютера Кинга, Андрея Сахарова, Дмитрия Лихачева. Людей, ушедших во внутреннюю эмиграцию или вступивших в открытое противостояние со злом. В том числе и в своем творчестве, как это сделали Данте, Оноре де Бальзак, Хорхе Луис Борхес, Осип Мандельштам. Их бесценные, яркие примеры и свидетельства помогут нам открыть новые пути к встрече со Христом и духовному возрастанию...

Текст публикуется в авторской редакции. Подзаголовок дан издательством. Авторское название: «В поисках Вечного Града».

УДК 24.242
ББК 86.372-4

Если вам нравится книга, которая еще не издавалась на русском языке или ее давно нет в продаже, пожалуйста, познакомьте нас с ней. В случае издания мы обязательно укажем в книге ваше имя и подарим экземпляр. Пишите нам в редакцию по адресу: editor@nikeabooks.ru

© ООО ТД «Никея», 2019

© П. Г. Чистяков, Н. А. Чистякова,
наследники, 2019

ISBN 978-5-91761-992-7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Александр Филоненко</i>	7
Глава 1. «Плотию уснув яко мертв...»	11
Великая Суббота.....	12
О пасхальной радости	24
Крестный ход	31
Песнь арфиста.....	37
«Плащаницею чистою обвив...».....	46
Глава 2. «На заре туманной юности...».....	57
Встреча.....	58
Чтобы эта дорога стала моею.....	66
Белые, дальние волны.....	74
Бог сокровенный.....	83
Внутренний эмигрант	90
В окрестностях Сарова	100
Глава 3. «Quorum imitamini Fidem».....	105
Отец Жак Лёв.....	106
I have a dream.....	117
Эдит Штайн: тайна веры.....	127
«Господь хочет видеть людей счастливыми».....	143

Русские странницы.....	151
Мария Юдина.....	159
«Нет совести без памяти».....	166
Владимир Соловьев. Брат и собеседник	186
«Вечная красота личности»	200
Памяти А. Д. Сахарова	211
 Глава 4. «Мыслить — значит видеть».....	217
Немое солнце Ада.....	218
Данте в Чистилище	230
Путешествие души.....	243
«Мыслить — значит видеть»	255
Еще раз о Мандельштаме.....	264
Хорхе Луис Борхес.....	277
Трудный диалог продолжается	285
Мюнстерские колокола.....	298
 Послесловие. Памяти отца Георгия	
<i>Протоиерей Николай Чернышов</i>	
«Родные мои».....	307
<i>Иеромонах Димитрий (Першин)</i>	
«Не отрывать от Бога	
во всех ситуациях жизни»	313

ВВЕДЕНИЕ

Богословская мысль отца Георгия Чистякова (1953–2007) во всем ее многообразии следует апостольскому суждению о призвании всякого христианина: *Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего* (1 Кор. 1: 9). Современность этой мысли определяется преодолением нарциссизма и индивидуализма современной цивилизации, которая, как писал отец Георгий, основана «на том, что *можно* себе представить. Если что-то не может быть представлено, то этого как бы и нет. Так рассуждает человек сегодняшней эпохи. А Бог Откровения – Он „неизреченен, недозведомъ, невидимъ, непостижимъ“, как говорится в анафоре литургии св. Иоанна Златоуста. Его нельзя ни описать словами, ни охватить умом, ни увидеть, ни представить себе в воображении. Его можно только встретить».

Среди своих ближайших собеседников отец Георгий называет отца Александра Меня, исходившего из того, что «в отличие от других учений христианство зиждется не просто на системе взглядов или заветах своего Основателя, а на опыте постоянного живого общения с Ним Самим», и митрополита Сурожского Антония, для которого

Церковь является «дивным местом встречи с Богом, встречи живой души и Живого Бога». Творчество отца Георгия является жемчужиной в традиции современного православного *богословия общения*, исходной точкой которой является событие встречи человека с Богом, определяющее, в свою очередь, всякую встречу и общение людей друг с другом и с творением.

Это богословие связано с жизнью и мыслью матери Марии Скобцовой с ее интуицией внехрамовой литургии, с учением о Церкви и евхаристической общине отца Николая Афанасьева, с *богословием встречи* митрополита Антония Сурожского, с литургическим богословием отца Александра Шмемана, богословием Славы Божьей Сергея Аверинцева, с библеистикой и миссионерским служением отца Александра Меня.

Мысль отца Георгия Чистякова, наследуя трудам этих богословов, дополняет традиции, с одной стороны, *софиологического богословия*, восходящего к творчеству Владимира Соловьева и раскрывшегося в окликнутой им мысли Николая Бердяева, Семена Франка, отцов Павла Флоренского и Сергея Булгакова, и, с другой, «поворота к Отцам» (*неопатристического синтеза*), осуществленного в трудах отца Георгия Флоровского, Владимира Лосского, отца Иоанна Мейендорфа. Разделяя с софиологической традицией

открытость миру, богословское творчество отца Георгия преодолевает ограниченность умозрения и открывает у истоков богопознания язык молитвы и гимна, рождающихся во встрече со Христом. Разделяя с неопатристической мыслью пафос возвращения к духовному опыту как подлинному основанию богословия, оно преодолевает самодостаточность аскетического богопознания через возведение его к опыту опрокидывающих близости и милости Божьей. Богословие отца Георгия Чистякова, обращенное к живому общению со Христом, молитве и гимну, проповеди и свидетельству, является для нас еucharистическим мерилom в безмерной растерянности современного человека.

*Александр Филоненко,
кандидат философских
наук, профессор Харьковского
национального университета
имени В. Н. Каразина*

ГЛАВА 1

«ПЛОТИЮ УСНУВ ЯКО МЕРТВ...»

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

*Бе бо велик день тоя субботы, — говорится в Евангелии от Иоанна о дне, что наступил после смерти Иисуса (Ин. 19: 31). А день был пятница, — рассказывается в Евангелии от Луки, — и наступала суббота. И пойдя следом, женщины, вместе с Иисусом пришедшие из Галилеи, видели гробницу, и как положено было тело Его. И возвратившись, приготовили благовония и миро. И субботу они провели в покое по заповеди...**¹ (Лк. 23: 54–56).

Le sabbat véritable — «истинною субботой» называет этот день дом Жерар, монах-бенедиктинец из Клерво, издавший в 1947 году на французском языке Миссал с пояснениями. Еврейское слово *sabbat* он употребляет не случайно — чтобы

¹ Здесь и далее выделения автора; в большинстве случаев сохраняется его орфография и пунктуация. Новозаветные цитаты, помеченные звездочкой, приводятся в переводе епископа Кассиана (Безобразова). Отец Георгий писал: «В ряде случаев тексты древних и поздних, византийских рукописей Нового Завета существенно различаются. Таких случаев не так уж много, но знать их необходимо. Перевод под редакцией епископа Кассиана сделан именно с древних рукописей, поэтому, сличая Кассиановский перевод с Синодальным, можно, даже не зная греческого языка, легко обнаружить все эти значимые различия» (Чистяков Г., свящ. «Над строками Нового Завета»).

подчеркнуть, что здесь мы сталкиваемся с покоем, который сопоставим только с упокоением Творца, описанным в начале Книги Бытия: *И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих...* (Быт. 2: 2).

Иисус, как поясняет дом Жерар, «завершив дело искупления, *упоковывается* в гробнице». Все вокруг умолкает. Русским выражением «провели в покое» или славянским «умолчаша» в Евангелии от Луки передан греческий глагол ἡσυχάζω, именно тот, от которого происходит слово ἡσυχία — молчание.

Вот почему Великая Суббота — день во всех смыслах особенный. «Ныне царит на земле великое молчание», — отмечается в латинском тексте Бревиария. *Magnum silentium...* «Да молчит всякая плоть человека», — поется в этот день во время Великого входа...

В соответствии с древней традицией, это день безмолвной молитвы и строгого поста, когда Иисус пребывает «во гробе плотски». В литургической практике сегодняшнего Запада это единственный день церковного года, когда вообще не совершаются никакие богослужения — *jour aliturgique*.

В богослужебном чине православного Востока утрени Великой Субботы, включающая чин

Погребения (на практике она, что в данном случае абсолютно оправданно, совершается вечером в пятницу), безусловно, относится к пятнице — как в историческом, так и в богослужебном плане, ибо в тот час, когда Иосиф положил тело Иисусово в гробнице, была еще пятница, хотя уже наступала суббота. Эта служба ориентирует нас на молитвенное созерцание плача Марии над телом Сына: «Спасительный Свет мой, Сладчайший Иисусе, как скрылся Ты в мрачном гробе?.. Взирая на Тебя, Слово, лежащего, Пречистая матерински плакала: О, приятнейшая Весна моя, Мое Сладчайшее Чадо, куда скрылась красота Твоя?» Отсюда ясно, что она как бы продолжает вечерню Великой Пятницы, которая посвящена снятию с Креста тела Иисусова и плачу Богородицы.

Что же касается литургии Великой Субботы, то в древности она совершалась в субботу вечером, ибо начинается вечерней с чтением псалма, где говорится о том, как «солнце позна́ запад свой», и пением гимна «Свете тихий», в котором каждый без труда услышит знакомые слова: «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...» Это говорит о том, что и для Востока Великая Суббота является днем, в который всякая плоть человеческая призывается к молчанию; по сути своей она посвящена не службам,

а безмолвной молитве, *исихии*, превращающей на какое-то время каждого из нас в монаха-молчальника. День великого молчания... День безмолвной молитвы...

«Что такое молитва, сможет понять только тот, кто молится», — сказал как-то Иоанн Павел II. «Через слова можно только попытаться сделать первые шаги, но молиться — это значит войти в тайну общения с Богом». И в другом месте: «Когда вы встречаете Иисуса в молитве, когда вы *прикасаетесь* к Евангелию и молитвенно размышляете о том, как соотносится оно с вашими надеждами и намерениями, тогда все становится новым».

«Молчание дает нам возможность увидеть все в новом свете», — говорила мать Тереза. Вглядеться в молчании в последние главы Евангелия; перечитать, оставшись один на один с текстом, все то, что в течение последних дней прозвучало под сводами храма; в молчании учиться слушать и молиться — вот, наверное, то главное, что может дать нам наше молчание над Евангелием в субботний день перед Пасхой.

На Западе первая пасхальная литургия теперь служится в субботу вечером, когда уже наступает воскресенье, хотя вплоть до середины XX века она, как и на Востоке, совершалась утром. Во время этой службы читаются

двенадцать пророчеств из Ветхого Завета, первое из которых начинается со слов: *В начале сотворил Бог небо и землю* (Быт. 1: 1). Десятое берется из книги Ионы, а последнее — из книги пророка Даниила (оно рассказывает о трех отроках, которые, брошенные в раскаленную печь, воспевали Бога посреди пламени); все это почти ничем не отличается от нашей литургии Великой Субботы.

После четвертого пророчества (у нас — после шестого) поется гимн пророка Моисея: «Поем Господеви». Народ Божий «по бездне стопами» переходит Чермное море. Пасха — это переход: от рабства к свободе, от мрака к свету, от смерти к жизни. Переход, о котором в словах не расскажешь, ибо его надо пережить каждому на собственном опыте. Это дорога, которая действительно лежит над бездной и чем-то напоминает подвесные мосты в горах Кавказа.

Иисус уже знал, что Его убьют, когда входил в Иерусалим. Он прошел по этому пути сознательно и добровольно — *ἐκούσιος*, или *volontarie*: Он его выбрал Сам и уже этим победил. Победил страх, который может разрушить всё. «Славно бо прославися», ибо вышел из этой схватки победителем. Становится абсолютно ясно, что итальянское *ha mirabilmente trionfato* ничем не отличается от славянского «славно бо

прославился», а в целом древний латинский чин сохранился не хуже греческого. Не случайно же Порфирий Успенский, православный епископ и величайший знаток христианского Востока, писал в XIX веке о *православных* святых Италии...

Служба продолжается. Далее, согласно римскому обряду, совершается таинство Крещения (младенцев или оглашенных), а все собравшиеся в храме обновляют вместе с крещаемыми свои крещальные обеты. В нашей литургии от этого чина остался один только след (но все же остался!) — вместо гимна «Святый Боже...» в этот день поется стих из апостольского послания: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3: 27). Что же до обновления обетов, то нельзя не вспомнить, что вообще Великий пост развился из участия общины в молитве и посте вместе с теми, кто готовился к таинству Крещения. Об этом прямо говорит во II веке Иустин Философ, рассказывая, что катехуменов «учат, чтобы они с молитвою и постом просили у Бога отпущения грехов, и мы молимся и постимся *вместе с ними*». Тайна Великого поста заключается именно в этом — в обновлении обетов, которое начинается с чтения канона Андрея Критского в первые дни поста и завершается в дни Святой Пасхи.

Литургия достигает момента, когда священнослужители переодеваются, снимая темные одежды и одеваясь в белые. *Одежда его бела, как снег*, — говорится в Евангелии об Ангеле, которого увидели мироносицы у гробницы (Мф. 28: 3). Это он сказал женщинам, пришедшим помазать тело Христа: *Его нет здесь; Он воскрес* (Мф. 28: 6). Об Ангеле напоминает белоснежная одежда священника, о встрече мироносиц с Иисусом Воскресшим рассказывает Евангелие, которое читается именно в этот момент обедни, и на Востоке, и на Западе — один и тот же текст: 28-я глава Евангелия от Матфея.

Пост пока не прекращается, но Пасха уже наступила. Странное чувство охватывает в это время, наверное, каждого. Странное, ибо радость в нем смешивается с болью, сливается с нею воедино. Смешивается так, что уже не знаешь, чего же здесь больше — радости или горя, торжества или боли, печали или света. Но это и есть настоящая Пасха Христова. Не тот фольклорный праздник, который выливается на улицы и наполняет их безудержным весельем и ликованием, а удивительный миг прикосновения к тайне.

Об этом в своем «Толковом Типиконе» писал профессор М. Скабалланович, подчеркивая, что для христиан первых веков Пасха была

«полупечальным, полурадостным торжеством, иначе сказать — настолько же радостным, насколько печальным». Встречалась она строгим постом. Скабалланович показывает, что и сегодня богослужебный чин не противопоставляет радость печали, но синтезирует плач у Креста с радостью о Воскресшем в одно *парадоксально* единое целое.

Атмосфера Страстной седмицы далека от абсолютного мрака. Так, в чин Погребения включается пение воскресных тропарей «Ангельский собор удивися», где прославляется Воскресение. Но и Пасха не чужда боли: в, казалось бы, чисто пасхальном гимне «Воскресение Христово видевше» далеко не последнее место занимают слова о поклонении Кресту, попавшие сюда, конечно, из чинопоследования Великой Пятницы.

Слова «Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое Воскресение Твое поем и славим» из греческого гимна Воскресшему практически дословно совпадают с латинским чином поклонения Кресту — *Crucem Tuam adoramus*. При этом в латинском песнопении, которое звучит в пятницу во время Крестного пути, последние слова говорят уже не о боли, а о *радости*, которая через Крест приходит в мир.

Здесь, без сомнения, есть над чем задуматься. Латинский чин поклонения Кресту почти полностью

включается в греческий воскресный гимн, поющийся в православных храмах не только в пасхальную ночь, но и каждую субботу во время всенощной. Боль Страстной Пятницы не исчезает в миг Его Воскресения, а только преобразается или переосмысливается, но *продолжает жить* в нас и, быть может, даже становится сильнее и пронзительней...

В Светлый понедельник, сразу после крестного хода с пасхальным звоном и чтением Евангелия, я отпевал умершего. Его родным хотелось услышать умирительно-печальные песнопения, которые так утешают, а вместо этого они оказались на пасхальной службе. И сразу мне вспомнилось, что лет двадцать тому назад в такие же пасхальные дни мы хоронили шестнадцатилетнюю девочку Машу. На отпевание пришел весь ее класс, и плакали все до единого, потому что им было по-настоящему плохо, а когда старенький и почти прозрачный уже отец Николай Тихомиров восклицал «Христос воскрес!», в ответ никто из них не отвечал ни слова...

Этим школьникам, из-за молчания которых две или три дамы из числа постоянных прихожанок Обыденского храма сделали вывод, что «у них нет ничего святого», казалось, что над ними просто издеваются. Они ничего не сказали (им было

не до того, чтобы возмущаться), но ушли из церкви с обидой и на отца Николая, и на певчих. А в первую очередь — на тех, кто, установив некогда обычай отпевать в эти дни умерших пасхальным чином, отнял у них возможность просто плакать у гроба одноклассницы — без этого неуместного и, с их точки зрения, кощунственного веселья.

Вместе с тем в слезах Машиных одноклассников было много больше правды, чем в нарочито веселых лицах возмущавшихся их слезами дам. Об этом мне сразу сказал тогда отец Александр Мень, а теперь я это очень хорошо понимаю и сам, ибо в дни Святой Пасхи плакали не только московские школьники у гроба своей подружки. В эти дни плакала Магдалина, повторяя одно и то же: *Взяли Господа моего, и не знаю, где положили Его** (Ин. 20: 13). Плакали и другие мироносицы, о чем так хорошо говорится в воскресных тропарях: «Весьма рано утром спешили мироносицы ко гробу Твоему с рыданиями, но пред ними предстал Ангел и сказал: кончилось время рыданий, не плачьте, но идите и скажите апостолам о Воскресении Его». Плакали и сами апостолы, грубые, казалось бы, рыбаки, ибо поверить в то, что Христос воскрес, и понять, что это значит, совсем не просто. И вообще мы сегодня с такой легкостью восклицаем «Христос

воскресе!» только по одной причине: потому, что плохо вчитываемся в Евангелие и не пытаемся проникнуть в тайну состояния Его учеников в те дни...

Не случайно перед пасхальной утреней возле закрытых еще дверей храма у греков читается начало 16-й главы Евангелия от Марка (у нас этот момент пасхальной утрени утрачен), заканчивающееся словами: *И никому ничего не сказали: ибо они боялись** (Мк. 16: 8). Я вспомнил об этом во время отпевания в Светлый понедельник и сказал молящимся о том, что проникнуть в тайну Воскресения нам очень трудно, особенно когда сталкиваешься с реальным горем. Но трудно было и ученикам Иисуса, ибо *их горе* было именно таким — абсолютно реальным. Вот почему в древности пасхальное богослужение было наполовину печальным. Его настроение в составе сегодняшней пасхальной службы лучше всего передает песнь «Плотию уснув яко мертв», в которой ясно слышатся и боль, и горе.

Эта *боль* есть *conditio sine qua non*, или неперменная составляющая, *пасхальной радости*, о чем мы, в отличие от первых христиан, увы, очень часто забываем. В результате праздник теряет весь свой смысл и растворяется в чисто секулярном веселье и бесконечных застольях.

К счастью, есть «день великого молчания» — Великая Суббота с ее удивительной, полной света и боли литургией и строгим постом. Во всех смыслах этого слова *особенный* день, который сегодня на Руси много больше похож на день Святой Пасхи Христовой, чем само наступающее вслед за ним воскресенье.